

Заслуженному артисту России Валерию Николаевичу Лагутину в октябре 2018 года исполнилось 60 лет. В Молодежном театре Алтая артист служит с 1981 года

Вертикаль

текст **Елена Кожевникова**

О работе в театре я никогда не думал и, тем более, не мечтал. Я с детства занимался в цирковой студии при ДК котельщиков. У меня был концертный номер жонглера-эквилибриста. Назывался — «Свободная лестница». Я появлялся с ней на сцене и, жонглируя разными предметами, поднимался все выше и выше. И это было здорово. Вертикаль!

Так она что, никак не крепилась?

Нет, конечно. В эквилибристике главное — удерживать равновесие. Однажды, правда, чуть не грохнулся с порядочной высоты. Подвела конструкция. Каким-то чудом все обошлось.

Ну а в театре — то как вы оказались?

Можно сказать, случайно. Пришел за компанию с однокурсниками. Я учился в АГИКе у Виталия Ивановича Шабалина, а когда он ушел работать главным режиссером в ТЮЗ на Пионеров, 2, я доучивался у Георгия Ивановича Ярлыкова. В дипломном спектакле по пьесе Максима Горького «На дне» играл Барона. Конечно, я и представить себе не мог, что через несколько лет, уже работая в МТА, буду играть Луку в спектакле Алексея Песегова.

Я так любила этот спектакль! Наконец — то Лука стал для меня интересным человеком. Возможно, потому, что он не был старым, косматым, елейным проповедником в лаптях и с посохом в руке. А может, потому, что ваш герой был умным красивым мужчиной с загадочной биографией? Не знаю. Но в нем сквозила тайна бытия. И это настораживало, притягивало, волновало. Откуда что бралось? Как это все рождалось?

Поначалу репетиции шли трудно: мы с Алексеем Песеговым не совсем понимали друг друга. Ведь в нашей работе очень многое зависит от взаимоотношений с режиссером, от его видения будущего спектакля, от атмосферы на репетициях. И только потом, когда мы ближе познакомились, выяснилось, что наше восприятие жизни, интересы, взгляды на многие проблемы совпадают. Мы подружились. И, знаете, роль пошла.

А что было характерным в работе режиссера с актерами?

Алексей Песегов умел настроить актера на встречу с персонажем. На репетициях он вводил нас в подтекст роли, учил подмечать особенности биографии, выявлять индивидуальные черты характера, обращать внимание на «оговорки». Он призывал ловить мелочи.

Вы пришли работать в ТЮЗ в 1981 году, когда главным режиссером театра был Захар Исаакович Китай?

Да. Я до сих пор испытываю чувство благодарности за уроки актерского мастерства, которые мы с ним

проходили. Захар Исаакович учил нас подавать своего героя, не зажиматься, идти от партнера, от ощущения сценического пространства. И еще — он очень много занимался с нами сценической речью. Когда мы приехали на гастроли в Благовещенск, то увидели на заборах афиши-плакаты о наших спектаклях. По тем временам это выглядело классно. Все-таки восьмидесятые годы. В Благовещенске я и сыграл свою первую большую роль — курсанта Сенечки в спектакле «Счастье мое» по пьесе Александра Червинского. До сих пор вспоминаются наши репетиции с режиссером Михаилом Бычковым. Счастье было в том, что мы, глубоко погружившись в эту историю, открывали для себя не только судьбу героев, но и жизнь страны. У нас было поистине творческое общение. А это, как говорится, дорогого стоит. Постепенно, работая с такими режиссерами, как Михаил Бычков, Сергей Красноперец, Андрей Зябликов, я научился отпускать себя от зажима на сцене. Я не уставал от репетиций. Наоборот, они наполняли меня энергией.

Ну вам и с драматургией повезло: Антон Павлович Чехов, Александр Сергеевич Пушкин, Карло Гоцци, Никколо Макиавелли, Жан Расин. Что-то невероятное творилось тогда в ТЮЗе на Пионеров, 2. Вам даже перепало играть злую волшебницу Моргану в спектакле «Любовь к трем апельсинам» в режиссуре Андрея Зябликова. Ваш персонаж был отчаянно раскрепощенным, заразительным. Так страшно вращал глазами, хохотал и задира л ноги, что не оставлял никакого сомнения в том, что перед нами итальянская комедия дель арте. И даже небольшая роль Тесея в спектакле того же режиссера по пьесе Жана Расина «Федра» запомнилась жестким, выразительным, точно найденным рисунком роли. Признаюсь, я высоко ценю стильные постановки. Смотришь их и как будто путешествуешь по свету вместе с героями спектакля. Но при условии, конечно, что будет опытный, толковый навигатор-режиссер. Думаю, что это главное условие для успешной постановки.

Вот и я так считаю, что у режиссера с актерами должен быть конкретный и ясный договор. А высказывать историю из пальца — пустая затея. Я еще раз убедился в этом, когда мы работали над спектаклем «Шинель». Ну не шла у меня роль портного Петровича. Не шла. Потом подключился к процессу режиссер Вячеслав Кокорин. Посмотрел репетицию и сказал про моего героя заветные слова: «Он — алкаш. Но талант свой не пропил». И все. Зерно образа было найдено.

Валерий Лагутин в спектакле «Журавлиные перья».
Фото с сайта МТА

На спектаклях каждый раз возникает что-то неожиданное в интонациях партнеров, в атмосфере происходящего, и ты начинаешь играть роль чуточку по-другому. Сами собой рождаются живые реакции. Актер и персонаж — связь бездонная. Для меня Порфирий Петрович в «Преступлении и наказании» Достоевского (режиссер Олег Пермяков) — любимая роль. Там есть пространство свободы в материале.

А как вам работало с молодым режиссером Русланом Гарибовым над пьесой Олега Богаева «Русская народная почта»?

Руслану я доверился. Мы вместе сочиняли роль. Что-то отметали, что-то казалось убедительным. Главное, мы понимали друг друга!

От автора

Петрович Лагутина — мужчина видный, основательный. А то, что выпивает — дело житейское. Остроглазая жена Петровича (Любовь Хотигёва) прячет спиртное от мужа, а он все равно находит заветный пузырек в тайниках своей одежды. Да еще на жену бранится: «Варварка! Немка! Стерва!» Сидит на портняжном столе, смотрит вдаль. К бутылочке прикладывает. Ножницами пощелкивает. Лицо пьяное, дурное. А в глазах — тоска смертельная. А тут еще Акакий

Акакиевич (Игорь Бочериков) свою старую, залатанную шинель притащил. «Нет, нельзя починить! Что деньги понапрасну тратить? Не буду работу убивать!». Говорит убежденно и веско, как профессионал высокого уровня. Но как преображается Петрович, когда наступает время работы! С каким удовольствием и гордостью оглядывает Акакия Акакиевича в новой шинели! Глаза — веселые. На лице — улыбка.

А потом, по ходу развития истории, Валерий Лагутин появится в роли, обозначенной в программке, как «Важное лицо». Такое важное, что и не узнать сразу. Надменный взгляд, отрывистая речь, голос высокого регистра и грубая, визгливая брань в адрес несчастного, ограбленного Акакия Акакиевича. Полное перевоплощение. Небольшой эпизод, сыгранный в жанре психологического гротеска, потрясает. И так тоскливо-горько становится, что жизнь идет, идет и проходит. И что не было в ней ничего хорошего, кроме новенькой шинели. Да...

Спектакль «Русская народная почта» получился исповедальным. Экзистенциальные мотивы одиночества вышли на первый план, проникли в самые потаенные уголки души. Не могу смотреть этот спектакль без слез: столько ассоциаций! Когда-то персонаж Лагутина — Гаев в спектакле режиссера Виктора Захарова «Вишневым садом» (1996) говорил: «Все нас бросают... мы стали вдруг не нужны». Фраза короткая, а тема — вечная. Вот и у нынешнего героя Валерия Николаевича, Ваньки Жукова, такая тоска лежит на сердце, что не отстраниться и не забыть. Потому и походка стариковская, и спина согбенная. А лицо... Нет, это надо видеть! Жесткая графика судьбы пожилого человека. Одиночество прекрасно переносится в хорошей компании, а когда и обратиться-то не к кому? Вот и пишет Ванька Жуков письма самому себе на старом чемодане. И отвечает на них воспоминаниями и общением с миражами. Одиночество — большое испытание для человека. А моноспектакль — большое испытание для актера. Здесь сходится все. И умение обжить текст роли, и умение наполнить его мыслью, и умение прикоснуться к тайникам сердца. Человек на сцене, человек в зале. Всегда есть о чем поговорить, потому что спектакль — это и проповедь, и исповедь. Слишком много вопросов накопилось...

В спектакле режиссера Василия Лукьяненко «Четыре веера из шкатулки» Валерий Лагутин играет мудрого Гидаю — рассказчика моногатари, японских народных сказок. Актер появляется на сцене в черном кимоно. У него длинная седая борода, а на голове — маленькая шапочка. В руках резная черная шкатулка. Говорит на японском языке. После небольшого, но впечатляющего пролога Гидаю удобно расположится на скамеечке у левого портала малой сцены, откроет шкатулку и взмахнет веером. Возникнет первая сказка, потом вторая, третья, четвертая. Поначалу кажется, что Гидаю только зритель, погруженный в действие, но очень скоро станет понятно, что сказки, сменяющие друг друга, сочиняются им. И что у каждой сказки — свой веер, свой воздух, своя судьба. А чудесный Гидаю, главный персонаж моногатари, сочинитель и волшебник, напомним нам при прощании: «Мы все друг другу братья под сакурой в цвету»! ❧